

18+ АЛЕКСЕЙ РУЧЬИЙ

ЭКЗИСТЕНЦИЯ

Алексей Викторович Ручий

Экзистенция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63016016

ISBN 9785005166494

Аннотация

Сборник стихов «Экзистенция» – это своего рода попытка закрепить творческий и жизненный опыт автора, попытка прочувствовать, постичь существование во всей его многогранности и зафиксировать в Слове.

Содержание

Целостность (2007—2009)	6
«Сумерки плыли...»	6
Война	8
Над кукушкиным гнездом	10
Победитель тишины	11
«Сейсмограф ручки чертит биения...»	12
Я видел хиппи на Невском	14
Последнее танго во мне	16
«В этих стихах нет остроты ...»	17
Убийцы птиц	18
«Мы проиграли...»	19
Сердце	21
Я	22
Лето	24
Я видел тебя обнажённой...	25
Осень	27
Новый год	28
Молчания больше нет	29
Солнечное затмение	31
Чайка	33
Insomnia	34
Март	36
Проклятье поэта	37

Умереть за идею	38
Тёмная сторона Луны	39
Октябрь	40
Люся в небе с алмазами	41
Герой нашего времени	43
Реализм-2	48
«Потому что каждый слог выстрадан...»	49
Глядя в окно на задворки Империи...	50
«Как любое из противоречий...»	53
«Поцелуи дождя касаются губ...»	55
Поэт	56
Деепричастия	57
Деепричастия-2	59
«Скинь повод заученных фраз...»	60
Игры чувств	61
Ата	62
Последний герой	64
Фонтан	65
Теория Хаоса (2008—2009)	67
Вечность	67
Идущий сквозь пламя	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Экзистенция

Алексей Викторович Ручий

Всем, кого я люблю.

Всем, кто любит меня.

Дизайнер обложки Максим Максименко

© Алексей Викторович Ручий, 2020

© Максим Максименко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-6649-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Целостность (2007—2009)

«Сумерки плыли...»

Сумерки плыли,
тушили
в лужах заката окурки,
закрывая ему глаза,
заставляли играть в жмурки;
объективно социум гаже
любой загнанной одиночки,
и свобода – не вектор даже,
а всего лишь точка
внутри плоскости мысли
или в пространстве смысла,
который как проститутка
идёт с тем, кто больше заплатит,
и никого не хватит
бороться с этим закатом,
белизной больничной палаты
наползает мир глупого счастья
и разрывает на части
тех, кто слишком рано сломался;
мир потребления —
никакой жалости!

Война

Ростовщики гениальных идей
раздали долги
и заварили крутую кашу
из крови и оторванных ног,
обезумевший бог
войны
звёздами вместо зрачков
сверкал в оправе разбитых очков,
его тошнило
неуправляемой силой,
острым шилом
он протыкал пальцы;
танцы
валькирий
в недоношенном мире
и слизи кишок,
круженье грязных сапог
и потных тел
в разорванной темноте;
чёрные панцири танков
из-за домов
словно армада клопов
ползли и кусали улицу;
разбитые лица
целовал обезумевший ветер,

кровожадные дети
поджигали кошек —
больше
не было ничего,
бесконечное го
головоломка войны
мешала смотреть сны.

Над кукушкиным гнездом

Меня прибивали к кресту,
и рыцари на мосту
смотрели
рыдали
кричали:
над кукушкиным гнездом
станешь ты большой звездой,
над кукушкиным гнездом,
над кукушкиным гнездом...

Победитель тишины

Глупый маленький победитель тишины

Спит и видит сны:

Он на трибуне, над миром

С искусностью индийского факира

Выделяет фокусы с планетой,

Сжигает еврейские гетто,

Строит концлагеря...

Заря:

Электрическое солнце зажигается,

Победитель тишины просыпается,

Привязанный к своей кровати

В звуконепроницаемой палате:

Стены, потолок и пол;

Санитар делает ему укол.

«Сейсмограф ручки чертит биения...»

Сейсмограф ручки чертит биения
сердца
десятибалльными
толчками,
стихи как невинные жертвы
смотрят на палача
расширенными
зрачками,
в их страхе, в их кротких глазах
взрываются
бомбы
рифмы,
и кажется, что это в ветвях
танцуют
голые
нимфы,
поэзия – дионистический бред,
больная
могучая
мумия,
кричит о том, чего нет,
и то, что есть,
превращает

в безумие.

Я видел хиппи на Невском

Я видел хиппи на Невском —
Он играл на губной гармошке;
Чёрный джип пересёк мне дорогу
Чёрною кошкой.
Ветер гнал грязные тучи, рвал их
Как письма в мелкие клочья;
Свет фонарей спотыкался о лужи,
Залюбовавшись девственной ночью.
Холодало. Всё больше хотелось скорчиться
Где-нибудь на теплотрассе от одиночества.
Я пришёл домой. Лёг. Прямо в ботинках,
Не раздеваясь;
Долго смотрел в потолок,
Заснуть безуспешно пытаюсь —
Мне казалось, что я – шпион на вражеской
Территории
Или герой (Ахилл?) небезызвестной
Апории.
У соседей орал магнитофон и гудела
Очередная пьянка,
А мне казалось, что под окном
Маршируют танки —
Хотя, может, и танки – и вот он в траве
След от гусениц,
Что это? Реальность?

Или мне только снится?

Я проснулся чёрным жуком – всё точно по Кафке,

Спустился в метро, и был тут же расплюсчен в давке.

Я лежал и думал: отчего здесь,

Среди прижатых друг к другу тел,

Среди этой эротически слипшейся плоти,

Нет места любви?

Но тут кто-то снова наступил на меня.

Последнее танго во мне

Она не верит в любовь,
потому что считает все чувства фикцией.
Я не верю в смерть,
потому что не раз пробовал быть самоубийцей.
Она станцует последнее танго
и уедет в Мадрид или Венецию.
А я, как Марлон Брандо,
упаду на пол с пулей в сердце.

«В этих стихах нет остроты ...»

В этих стихах нет остроты —
ну и что?
что ты
сделал в бессмысленном мире
иллюзий и пустоты?
Моё поколение знает,
забившись в грязном углу
дрожащей рукой вонзает
в сожжённые вены иглу.
Короткие вспышки прихода,
как осколки разбитой мечты;
такое качество нашей свободы —
в этой реальности нет остроты.

Убийцы птиц

Идём убивать птиц,
Стрелять в беззащитное небо.
Мы превратимся в убийц,
Наши души покроются пеплом.
Мы будем стрелять ввысь,
Стрелять, не жалея патронов.
Чтоб каждый знал, как хрупка его жизнь,
Чтобы чувствовал себя обречённым.
Станем всех, всех убивать,
Превратив всё вокруг себя в плаху.
И кто-то будет от боли рыдать,
А кто-то дрожать от страха.
Но потом придёт наш черёд
Умирать – и мы заплачем все вместе.
А ветер подхватит и понесёт
Нашу полную слёз песню.
Он поднимет её высоко
И, бросив, разобьёт о скалы.
Ты стрелял, ты был хорошим стрелком,
Но вот и тебя пуля достала.
И пальцы скользнут с курка,
Ты умрёшь, а душа твоя станет птицей.
Она поднимется под облака,
Но внизу будет ждать уже новый убийца.

«Мы проиграли...»

Мы проиграли,
Заблудились в тёмном тоннеле;
В дремучем лесу,
Где мохнатые ели
Хранят свои тайны —
Это всё не случайно,
Жизнь так необычайна,
Смерть так отчаянна,
Любовь нескончаема
И ты – так необычайна...
Да, проиграли в детской игре,
Где правила так невинны,
Погрузись же в морские глубины
Сна...
Плыви как русалка,
Как ветер
Туда, где играют дети
На странном заброшенном пляже;
Смотри, не измажься
В цветах смерти, в полночной саже.
Стань их богиней
Нежным цветком летнего ливня —
Забудь с ними горечь былых поражений,
Закружись в танце кривых отражений,
В танце огня.

Кружись...

И там ты встретишь меня...

Сердце

Бабочка дня вспорхнула над оранжевым горизонтом,
Словно сигнальная ракета над линией фронта.
Я нашарил рукой сигарету где-то в складках одежды —
Сломанную... и потерял надежду;
Пошёл, затаив злобу,
Вдруг под цинковой крышкой гроба —
Моего тела – зашевелилось мёртвое сердце,
И я понял, что от него никуда не деться
И нечем спастись...
Ясно было одно: сердце требовало эксгумации.
И тогда сквозь зубастую боль я выдрал его наружу
И бросил под ноги в грязную лужу
На автобусной остановке... Люди вокруг шевелились,
Превозмогая зевоту, —
Им было плевать на сердце, их ждали дела и работа;
А оно, окровавленное, в грязи медленно билось,
Как обречённая жертва в руках Чикатило.
И я думал, что, может, и зря вырвал его из гроба...
Но тут, хрипя, к остановке подполз автобус —
И толпа хлынула сквозь сердце.

Я

Я не умею любить и верить.
Начинать с чистого листа.
Я стою у закрытой двери,
За которой – пустота.

Дни проходят в вечном похмелье,
Я меняю жизнь на гроши.
Выступают рубцами на теле
Раны души.

Жгу, как обрывки бумаги,
Свои разрушенные мечты;
И в храм пьяной шараги
Несу их словно цветы.

Я потерян для этого мира
Или просто таким кажусь.
Но уже моя верная лира
Не летит больше на грусть.

В плену у наивных желаний,
Жизнь проносится как игра.
И плещутся в мутном стакане
Сто бессовестных грамм.

Лгать себе уже надоело,
Нет даже сил всё довести до конца.
Так и буду чёрным на белом —
Человеком без лица.

Ах, жалкий и глупый клоун
С диким гримом у лживого рта!
Может, начать всё по новой?
Но за всеми дверьми – пустота.

Так легко сделать зверем,
Человеком как будто трудней.
Я стою у закрытой двери —
Что за ней?

Лето

Лето ползёт и жиреет,
Обретая округлость шара.
В импровизационной манере
Как у Годара.

В газетах последние сводки,
В одиночестве последние сутки;
Если бы не было водки,
Я б, наверно, лишился рассудка.

Я бы бросался на стены,
Потом забрался бы в холодильник,
Превращаясь в растение,
Выросшее среди пустыни.

Я бы ронял своё семя,
Выжигая мира плаценту —
Суицидальный маленький лемминг
В шарообразности жирного лета.

Я видел тебя обнажённой...

Я видел тебя обнажённой:
грудей упругие волны,
и влажность стыдливого лона.

Я видел тебя бесконечной,
такой по-детски беспечной,
дымчато-млечной.

Я видел тебя Дездемоной,
когда розовато-сонной
роняла пепел с балкона.

Я видел тебя Клеопатрой
в эллипсе амфитеатра
с неизменным томиком Сартра.

Я видел тебя невозможной,
нимфеткой в змеиной коже,
богиней на брачном ложе.

Я видел тебя в лёгком танце,
в психоделическом трансе...
и твои ананасы в шампанском.

Я видел тебя нереальной

ты так и осталась за гранью
моего подсознания.

Я видел тебя обнажённой:
грудей упругие волны
и влажность стыдливого лона.

Осень

Осень приходит внезапно,
Словно прямой в челюсть;
И по стеклу капли
Несутся как рыбы на нерест.

Осень приходит внезапно,
Как женщина, с которой расстались —
И начинает плакать
И изливать все свои печали.

Мне придётся курить и слушать,
И смотреть на дождей хороводы:
Я знаю – то наши души
Льют слёз неопровержимую воду.

Новый год

Ночного фейерверка далёкие искры
Вспыхнут так ярко и погаснут так быстро,
Превратившись в пепел и отдавшись ветру,
Оставшись лишь в памяти вспышкой света.
Год усталый проводим рюмкою водки,
Перебирая прошедших месяцев чётки,
И бросив судьбы потёртые кости,
Новый год среди ночи к себе пустим в гости.
Он войдёт и сядет в углу возле ёлки,
Подарив кому пух, а кому-то иголки,
Кому горькую правду, кому сладкие сказки —
Всё растворится в бокалах с шампанским.
И взрослые будут веселиться как дети,
Забыв, что ещё на год приблизились к смерти.

Молчания больше нет

Молчания больше нет —
Слова в горле ножами;
Город как лихорадочный бред
Навис надо мной этажами
Холодных угрюмых домов
С окнами цвета стали,
В которых люди, веря в любовь,
Сами ж её и распяли.
Его исступленный вид —
Слишком страшно и слишком
красиво:
А Нева вмёрзла в гранит,
И ледокол над девственной
плевой залива.
Я один, как раздавленный червь
Неуместный зимой на мёрзлом
асфальте,
Адмиралтейства игла, как
натянутый нерв, —
В сумерках напоминает распятье.
Февральский похмельный синдром
С перегаром обыденной скуки
Дышит в лицо наглым ртом,
Заставляя меня резать руки.
Я бегу – не могу, вдруг

пронзительный звон,
Безумный, безудержный, сильный...
Но не сильный как крик,
сильный как стон, —
это вечность звонит мне
на мобильный.

Солнечное затмение

Выпив до дна чашу, полную яда,
Ты, может, узнаешь горькую правду
И, может, поймёшь своё предназначение,
Когда ляжет тень солнечного затмения.
И диск потускнеет, жаром опаленный,
И края окаймятся белой окалиной,
Последний луч вспыхнет светом напрасным
И в сгустившейся тьме всё станет ясно:
Ты родился как лист из липкой почки,
Став в песне судьбы короткою строчкой,
Вписав свою жизнь во времени мантру,
Поместив её между вчера и завтра...
...И лист распускается, чувствуя силу,
Забыв, что однажды всё скроет могила.
Ты рискуешь, надеясь, что всё обойдётся,
Но есть сила, пред которой меркнет и солнце.
Она решит за тебя, что ложно, что верно,
Раздавая венки из лавра и терна,
Решая кому стать земною звездой,
А кому быть в улье рабочей пчелою,
Кому подняться к вершинам, кому опуститься, —
Каждый видит своё небо Аустерлица,
И каждого ждёт своя последняя битва,
И каждый, глядя на небо, свою шепчет молитву...
...И чёрный цвет дрогнет, свет пропуская,

И брызнут лучи из-за тёмного края,
Земля будет покрыта увядшими листьями,
И глаза ослепит свет чистой истины...

Чайка

Там, где море сливается с небом,
В синей дымке у самого края
Скользит над вспененным гребнем
Чайка, отбившаяся от стаи.
Ветер рвёт её хрупкие крылья,
Море тянется хищною пастью;
Чайка бьётся, ей нужно быть сильной,
Чтоб не дрогнуть и не упасть.
Обезумев, грохочут волны
И брызжут солёной слюною,
Чайка мечется белою молнией
Над разъярённой водою.
Непослушный ребёнок природы
В бушующей гибельной круговерти,
Но кто знает цену свободы —
Тот не боится смерти.
Жизнь за пару секунд в полёте,
Жизнь – какая-то малость...
И когда море её проглотит,
Чайка будет знать, что хоть попыталась.

Insomnia

Табачный дым как едкая щёлочь
Выедаёт глаза, время – полночь;
Стрелки еле дрожат на циферблате,
И бессонница ждёт у изголовья кровати.
Она как палач на эшафоте,
Готовый приступить к своей грязной работе, —
И топор занесён над больной головою,
И мысли текут, не давая покоя:
Как много прожито лет и как всё-таки мало,
Приближенье конца знаменует начало,
И хочется думать о чём-то главном и важном,
Но у правды нет глаз, и становится страшно;
И все разговоры о высших материях
Бесполезны для тех, кого нет в новых сериях
Киноленты, в которой все мы герои:
Кто собственной кухни, а кто – Древней Трои;
Жизнь как силуэт на фотоснимке,
Бессонные ночи с печалью в обнимку.
Всё скучно и глупо в выцветшем мире —
Белый шум бессонницы в чёрном эфире.
Горький вкус одиночества застыл в чашке с кофе,
Каждая ночь – как ночь на Голгофе.
Шею обвила руками любовница —
Бесчувственная ледяная бессонница,
И я её пленник в холодной кровати,

Стихи – это либидо в словесном формате.

Март

В чехарде непутёвых дней
Март, изнуряющий, словно изжога;
И небо по вкусу как тёплый портвейн
На чердаке у Ван Гога.
О чём же поёт скрипка души
Для гулящей и ветреной нимфы?
Что скрыли бумага и карандаши,
Какие ещё никому не известные рифмы?
Возможно, что жизнь – это глоток
Зелёной воды из гнилого колодца:
Тошнотворна на вкус, она – сладкий сок
Для тех, кто бредёт под безжалостным солнцем.
Возможно, что пять минут этой весны
Гораздо больше, чем целая вечность;
И кто-то узнал, зачем снятся сны,
Нырнув в эту яркую бесконечность.
В чехарде непутевых дней
Я по рукам и ногам скручен ленью,
И в царстве безумных теней
Становлюсь самой безумною тенью.

Проклятье поэта

Проклятье поэта —
игра звучных слов,
азбука Морзе четверостиший;
Короткое лето,
песни пьяных ветров,
сырая каморка под крышей.
Какая банальность —
избитый сюжет:
окурки, бумага, похмелье...
В скучной реальности,
где ничего нет,
стихов колдовское зелье.
Проклятье поэта —
замкнутый круг
от петли до ствола пистолета;
Вендетта с собой,
блажь трясущихся рук —
стихи – вот проклятье поэта.

Умереть за идею

Умереть за идею, конечно, круто —
Всё дело лишь в стоимости идей.
В похмельном угаре безумное утро
Выплёвывает на улицу мёртвых людей.
Район задохнулся в дыму от завода,
На проспекте штрих-кодом люди без лиц.
Здесь основная мера свободы —
Грамм порошка, ложка и шприц.
До боли знакомо – вены и стены —
Всех философских формул точней;
В календаре строим военнопленных
Плетутся тени бессмысленных дней.
Любой произвол всегда обоснован:
Общество знает, кто его враг.
И смерть каждому новорождённому
Ставит свой личный товарный знак.
Всё скинуто, продано за бесценок
На фондовой бирже засаленных душ;
И время уводит кукол со сцены,
Оркестр играет туш.
Умереть за идею – новые Че Гевары
Всегда найдутся по юности лет.
А вожди посчитают проценты с навара...
Моего поколения уже нет.

Тёмная сторона Луны

Мы сидели с ней и слушали
«Тёмную сторону Луны»,
Она подводила глаза красной тушью
И рассказывала мне свои сны.
Я сказал, что они интересны,
Но я, к сожаленью, не Фрейд;
Она ответила, что ей очень лестно,
Потому что она думала, что всё это бред.
Я улыбнулся: мы слишком мало
Знаем о нашей душе...
Она тоже в ответ рассмеялась:
Ничего не знаем вообще.
Потом вдруг погрустнела: здесь что-то нечисто,
Всё, вроде, понятно, не ясно одно:
В конце каждого сна – самоубийство...
Ерунда – хотел я ответить,
Но она встала и вышла в окно.

Октябрь

Алой тканью заката
Вечер полнеба выстелил;
Ветер играет в фанты
Опавшими листьями.
Октябрь чёрно-белым эскизом
Или весь мир в стиле ретро;
Деревья в танце стриптиза
Бросают одежду ветру.
Город вязью ломаных линий
Расплывается словно призрак;
Эта осень как фильмы Феллини
Плод неореализма.

Люся в небе с алмазами

Ты смотришь с балкона на звёзды,
Глотая холодный воздух,
И хочешь до них дотянуться,
Но звёзды в ответ смеются:
Ах, Люся, всё небо в алмазах,
И любимый диск с эйсид-джазом...
Так почему же не спится?
Ты ждёшь, наверно, волшебного принца
На белом коне из девичьей сказки;
И лицо заливают краска,
И кажется – счастье так близко,
Как этот джаз с любимого диска;
Ах, Люся, если б ты только знала,
Как порой велика эта самая малость
Между мечтой и холодной постелью,
И все принцы давно уже спят,
А завтра проснутся с похмелья,
И вряд ли кто из них вспомнит
Дорогу к твоему дому...
Но ты не хочешь этому верить
И замираешь, проходя мимо двери —
А вдруг он там и сейчас ворвётся
В квартиру как летнее солнце?
Но за дверью всё тихо, и глупые слёзы
Застилают глаза, ведь жизнь – это проза,

А не стихи, как бы хотелось...
И ты снова бежишь на балкон,
Пока в сердце есть ещё смелость
Чтобы прыгнуть. Но там опять эти звёзды —
Ах, Люся, уже слишком поздно —
И давно пора спать, глупышка,
Тебя ждёт твой плюшевый мишка,
К чёрту звёзды с их вечною фальшью,
Ты заснёшь, а они будут светить,
Как, впрочем, и раньше...

Герой нашего времени

Едва просыпается, окутанный смогом,
Поминая мать и японского бога,
Ранит кожу «Джиллетом» и с сигаретой
Смотрит, как город наступает на лето,
Покрытый болезненной сыпью проспектов;
Он – Ахиллес или же Гектор:
Новый герой урбанистической Трои,
Живущий между работой и недельным запоем,
Нервный как все и привык к вечной спешке,
Конечно, не ферзь, но и не пешка,
Интеллектуал, но не богема —
Вот он герой индустриальной поэмы.
А город – его двойник и повелитель —
Плетёт смертельных сюжетов хитрые нити;
Ещё сигарета... скурил в две затяжки,
Его сосед удавился на своих же подтяжках,
Оставив миру взамен себя завещание,
Где говорилось, что смерть – его оправдание
За то, что не он был распят на Голгофе...
Впрочем, к чёрту соседа, сигарета и кофе
Ждут его, а ещё телевизор и новости —
Новейший принцип изысканной бездуховности,
Они дышат в лицо перегаром рутины,
Повествуя о жизни безликой скотины:
Святош и политиков, героев джихада —

Если им верить, мир покажется адом,
А он и не верит, ему пора на работу,
Которую он ненавидит до рвоты
И едких колик в желудке...
Хотя он менеджер – а это не шутки,
Это ступень на карьерной лестнице
(сосед был прав, что решил повеситься),
Но прочь эти мысли – бегом и в автобус,
Там люди плотным облаком словно микробы
И всем надо срочно куда-то ехать —
Они туда не хотят, что, впрочем, им не помеха,
Ведь они всё равно каждый день туда едут,
Пропадая с утра и до обеда,
А с обеда («Роллтон») до ужина (пиво и чипсы),
Не зная совсем, зачем им это нужно.
А город бьётся в безумной агонии
Кислый от самоиронии
И не понимающий шуток,
Он продал по капле рассудок
И гонит по улицам волны ярости;
Он пропадает в Сети
И строчит послания
Своей виртуальной мании,
Пробиваясь сквозь нули и единицы
До своей трёхмерной любовницы,
А она, страдая бессонницей,
Смеётся ему с электронной таблицы —
И они знакомы уже достаточно близко:
Их любовь занимает треть жёсткого диска,

И в перерывах между пасьянсами и работой
Он собирает её цифровые фото
И листает дизайнерские журналы.
Мегаполис течёт раскалённым металлом,
Извивается вырванной из земли пуповиной,
Скрипит зубами бездушной машины,
Визжит сиренами, брызжет слюною,
Словно материализованный плод паранойи,
И умирает бездомными в хосписах,
Пока он глотает пыль в клетке своего офиса,
И читает в электронном виде Маркузе
И прочих дож революционных иллюзий,
Что висят в воздухе не рождённым криком...
А его пассия с утра по бутикам
И пьёт кофе в модных кафешках —
Тоже всегда в вечной спешке,
И тоже немного за тридцать,
Ведёт жизнь на электронных страницах
И почитает как бога
Каждого посетителя своего блога.
А он – он её электронное развлечение,
Надолго ли – не имеет значения,
Их разделяет стена холодного города,
А кажется, что световые годы —
И они словно две планеты
В разных галактиках Интернета
Шлют друг другу улыбки :) =))))),
Вызывая тем самым в системе ошибки,
Что, впрочем, их мало волнует —

И их электронные поцелуи
Мерцают в глуби монитора;
И даже этот безумный город
Не может стать между ними трещиной...
Так просто: мужчина и женщина
На разных концах провода,
Накрытые тенью гигантского города,
Два невидимых одиночества
Жмут на клавиши что есть мочи
В своих опостылевших офисах
На полюсах мегаполиса —
В общем, одна из обычных историй...
И они не встретятся априори,
Ему наскучит роль виртуального ухажера,
А она выйдет за какого-нибудь коммивояжера.
Он закурит ещё сигарету
И невольно вспомнит соседа
И его приватную самоэкзекуцию;
Он найдёт, что в этом больше революции,
Чем во всех работах Маркузе,
И что его жизнь – лишь одна из иллюзий,
По сути – фикция,
Глупая, как игра жертвы с убийцей,
Где он – жертва, а убийца – город,
Бессмысленность его мотиваций и холод,
Молитва обыденной неизбежности,
Нелепость во всей своей безбрежности —
В общем, знакомое ворчание
В духе экзистенциализма

Сквозь его сознания
Пресловутую призму,
Где результат один, и не важно даже,
Как идут у тебя продажи,
И твой менеджерский рейтинг
Совсем не интересен старушке-смерти,
Ибо не влияет на происходящие события;
Словно в гипнозе он сделает эти открытия,
Похожие на прозрения Будды и Магомеда,
И тогда он поймёт соседа
И его поступок во всей эротичности...
Кажется, это называется кризисом личности.
И, откинувшись в офисном кресле,
Он подумает: а что, если...
Возможно, он перестанет читать Маркузе
И бросит работу,
Сравнивая это с государственным переворотом,
И станет одним из активистов
ДАИШ¹ или Гринписа
И из рядов общества будет отчислен...
Но скорей всего он отбросит прочь эти мысли,
И назавтра проснётся, окутанный смогом,
Поминая мать и японского бога,
И поранит кожу новым «Джиллетом»,
Возможно... он сам не знает ответа.

¹ террористическая организация, запрещенная в РФ

Реализм-2

Раскрой свой секрет, я знаю:
Если время предельно, значит – беда,
А после лета всегда наступают
Лютые холода.
И сердце хочется спрятать в ладони,
Закон для каждого – вот реализм:
Можешь читать сверху вниз.

«Потому что каждый слог выстрадан...»

Потому что каждый слог выстрадан,
Все признанья в любви – не зря,
Ночь играет безумия искрами
В жёлтых зрачках января.
Потому что, бывает, хочется
Повернуть бесконечность на плюс,
Я знаю, у одиночества
Горький водочный вкус.
Шрам сонета в межстрочье окурков,
Слепком смысла – бутылка вина;
Играет метафорически в жмурки
В сырости неба луна.
Потому что, наверно, в реальности
Безусловно лишь здесь и сейчас,
А всё остальное – крайности
На обожжённых руинах фраз.
И не взирая на угол зрения
И безумства календаря
В моём обиходе вечным затмением
Пьяный бред января.

Глядя в окно на задворки Империи...

Глядя в окно на задворки Империи,
в сырую реальность шлюх и банкиров,
вечно пьяных рабочих,
поэтов, скопцов, сумасшедших
и прочих,
я вижу закат античного мира
и тяжёлые сумерки варварской
ночи,
леденяще катящейся веером звёзд...
как много слёз
здесь пролито,
словно всё настоящее проклято —
и это проклятие вечным затмением
сгустилось над поколением
нулевых...
а в этих окнах
пустота горит каждым бликом,
и одиночества кокон
сплёлся в горле задушенным криком;
это хроника жизни растений:
в любое из воскресений
толпа валит на площади,
червоточя шипящей очередью
в предвкушении казни,
словно ярмарка или праздник,

а я шатаюсь по барам
в сгустке ночного кошмара,
где утеряна связь
между внешним и внутренним,
и рано утром нимф
там почти не бывает,
а только старые пьяницы —
их лица
похожи на морды сатиров...
все люди как чёрные дыры
затеряны в недрах космоса;
будничные вопросы
становятся единственно важными
будто ценники на распродаже,
подменяя смысл существования
на анонимные послания
твоей электрической почты —
это почти
конец или близость развязки
как в той очень старой сказке
с запертой комнатой,
где сокрыто страшное знание...
мы не любим друг друга —
и нет оправдания
ни нам, ни этой эпохе,
когда всё хорошо и одинаково
плохо;
а на улицах фавны и трубы,
поцелуем плавятся губы,

прикасясь к сухой коже
безглазой старухи-смерти,
я затылком чувствую ветер,
дующий прямо со звёзд...
я возвращаюсь —
вот она, эта реальность
с разбитым окном, за которым
бездна
и все слова бесполезны
свобода – забытая поп-звезда.

«Как любое из противоречий...»

*«Она же была так прекрасна,
что меня охватывал страх»*

Аполлинер

Как любое из противоречий,
это было случайной встречей,
вспышкой молнии, воспоминанием
где-то на грани сознания:
она случилась в начале мая,
когда я лежал, умирая,
с кровоточащей сердца раной —
то ли в похмельном бреду,
то ли всё ещё пьяный
после чумного пира,
в глазах плясали сатиры,
и пустота безумного мира
примерялась к запястью бритвой...
она явилась мне, словно молитва
перед Страшным Судом,
как последняя радость
смертельно больного,
взорвав реальность
психоделическим фейерверком —
и всё остальное померкло,
став второстепенным;

а дальше —
клубок из нервов и фальши,
срывов, приступов счастья,
безрассудной шекспировской страсти
с непременным убийством в развязке...
так и вышло — и сладкая сказка
обернулась вокруг горла петлёю
в несколько слов:
нам вместе не быть с тобою...
и лилии неба завяли,
поражённые ядом печали
и чувства утихли как музыка,
больше — ни звука,
лишь в душе опустевшей ветер...
она была моей жизнью,
она ушла моей смертью.

«Поцелуи дождя касаются губ...»

Поцелуи дождя касаются губ,
отражение в зеркале, профиль аптека;
весной этот город похож на труп,
оттаявший из-под снега.
Пустыми глазами прозрачных витрин
он смотрит в лица прохожих;
сквозь меня марширует будничнй сплин,
оставляя узоры шрамов на коже.
Молчит телефон, и потеряна связь
этих слов, стихов, приходов, уходов...
а под окном только серость и грязь
как всегда в это время года.
Горький вкус забывшихся выцветших снов,
после которых с утра в душе пусто,
смысл жизни на сгибах тетрадных листов,
солёные капли смертельного чувства.
Слова о любви – бессмысленный фарс,
свинцовый излом горизонта...
есть только мы здесь и сейчас
и этот март как линия фронта.
В вихре дней – окурки, окно
с уходящей в туман перспективой;
я как субмарина ложусь на дно
изрытого льдами залива...

Поэт

Будем знакомы: я – грустный поэт,
всю реальность себе заграбастав,
иду, курю, город смотрит мне вслед
глазами старого педераста.
Его похоть тягуча, как сладкий ликёр
с примесью желчи и яда,
а я ребёнок совсем, смешной фантазёр,
пылающий под его взглядом.
В наших играх смешались ласки и боль,
одинокства лезвии, шрамы сомнений,
и смерть, пьянящая как алкоголь,
встала точками на концах предложений.
Мир – просто игрушка в детских руках,
кукла со сломанным механизмом;
мои стихи – страсть, ярость и страх,
прошедшие сквозь сознания призму.
Всё смешалось в потоке несказанных слов,
я времени ткань разрываю, ликуя;
и проститутки из окон публичных домов
шлют мне воздушные поцелуи.
Я сыплю в ответ им букетами фраз,
что тонут в дней белом шуме, и я
выжигаю в бездне пристальных глаз
формулу собственного безумия.

Деепричастия

Каждый день нарушая границы,
читая Лимонова, смеясь в эти лица,
играя на нервах, уходя от погони,
считая себя поэтом в законе,
мечтая о славе, проклиная славу,
над самим собой учиня расправу,
соря деньгами, погружаясь в бездну,
понимая, что время всегда бесполезно,
веря в любовь, от любви умирая,
выпивая яд, отбиваясь от стаи,
совершая покупки, занимая наличность,
уничтожая в себе свою личность,
гуляя по нити, по тонкой грани,
ища иллюзий в гранёном стакане,
закрывая дверь, слова бросая на ветер,
вычисляя в уме дату собственной смерти,
поднимаясь на лифте, меняя любовниц,
вспоминая Толстого и Аустерлиц,
примеряя к запястью лезвие бритвы,
на крыльях валькирий уносясь с поля битвы,
с распятым Христом целуясь в губы,
минуя огонь и медные трубы,
обнимаясь на сцене с солистом панк-группы,
смотря на жизнь глазами довольного трупа,
встречая в похмелье утро за утром,

нанося на лицо слой белой пудры,
рисуя узоры, ритуальную маску,
готовясь к войне, приближаясь к развязке,
Я СТАРАЮСЬ ЗАБЫТЬ

Деепричастия-2

Следуя догмам Тимоти Лири
погружая себя в первосортный делирий
разбирая реальность на мелкие части
превращаясь в цепочку деепричастий
фиксируя каждый из отдельных фрагментов
принимая данность за сто процентов
и долю сомнений как сто из тех ста
заклучая жизнь в структуру текста
преодолевая иллюзию страха
как мистический Феникс возрождаясь из праха
отвергая статистику принимая на веру
следуя тактике Аполлинера
из своего больного сознания
удаляю все знаки препинания.

«Скинь повод заученных фраз...»

Скинь повод заученных фраз,
Будь свободен в своём выражении:
Эксцентричный чистый экстаз —
Есть суть любого движения.
Я сделаю шаг за балкон —
На руках повисну над бездной,
Мой безупречный сон
Застывая, реальность разрезал
На тысячи ярких картин,
Безумных цветастых видений;
Мои мысли ножами блестят из-за спин
Всех потерянных поколений.
И знакомый битник-поэт
Мне шепчет из дебрей шестидесятых:
Всё забудь: реальности нет,
И нет нас всех вместе взятых,
А только мысли прозрачный кристалл,
И биение сердца над временем,
Утонувшим в чужих мечтах, —
Мы одной с ним крови и племени.

Игры чувств

Игры чувств, игры на грани
в мире страстей и желаний,
в мире рубцов и шрамов —
чёрно-белой будничной драмы,
среди глупых слов и теорий,
интриг и любовных историй;
на руинах античной мысли,
в календаре, где спутаны числа;
игры с огнём, игры в прятки,
где нам остаются загадки
и ни одного ответа...
любовь – беспечный луч света
в тёмном царстве голодной плоти,
эти игры словно наркотик,
вызывающий привыкание,
но по ту сторону – знание
о высшей степени чувства
и вера в него – искусство,
что освоит отнюдь не каждый,
утоляя духовную жажду
из сердца живого колодца...
эти игры с огнём эмоций...

Ата

Дни словно призраки тают в забвении,
Мимо кадрами фильма мелькают события,
Я просыпаюсь в оцепенении,
В крайней степени отчуждения —
Трясущийся, больной, нервный
Между ног фригидной стервы —
Моей судьбы... в поту липком,
Словно выстрел встречая улыбку
Своих старых знакомых;
Выходя из глубокой комы,
Глядя в глаза безрассудной богини,
Которую должен любить отныне
И во веки веков... ведя свои хроники,
Где на первых ролях психи и параноики,
Где между прошлым и будущим лишь пустыня
Моих страхов и уязвлённой гордыни,
Где мечты разбиваются о повседневность,
Где за дверью в лето лишь вскрытые вены
И в убудочных снах пируют уроды,
Где идёт по тридцатке опиум для народа, —
Она правит там, о нищие духом, —
Эта дева и слепая старуха,
Что меня заставляет зайтись мелкой дрожью
И оставляет шрамы на коже —
Там, где навеки вырвано сердце,

Мы с ней всегда единоверцы,
Моего безрассудства слепая богиня —
Я ухожу внутрь тебя – в эту пустыню.

Последний герой

До свиданья, последний герой.
Утро придёт, но вряд ли сможет быть добрым,
И такие, как ты, проиграли свой бой,
Разбившись о клетки железные рёбра.
Отдав на закланье остатки души,
Сделав нелепым всё, что было так важно;
Жизнь – привычка носить в карманах ножи,
Да и смерть – только ценник на распродаже.
Твоё завтра придёт телефонным звонком,
Стирая вчерашние пьяные бредни;
И голос в трубке скажет: я с тобою знаком,
Я тоже герой и тоже последний.
Помнишь, как мы играли с огнём,
Как бились, не веря в своё поражение?
Игры кончены, мы здесь вдвоём:
Ты да я, твоё отражение.
Хотя, возможно, что нас уже нет —
Мертвы даже воспоминания;
И приставив к виску пистолет,
Ты кричишь: последний герой, до свидания.

Фонтан

Поэты прошлого и дельцы,
безумцы и звёзды экрана,
гонимые всюду и мудрецы,
придите, явитесь к фонтану,
где все поколения грёз
смотрят в прозрачную воду,
и в хрустальном сиянии слёз
ищут потерянную свободу;
потерянную навсегда —
они ищут её, томимые жаждой;
но стала ядом живая вода,
и в реку не входят дважды;
их горло сжимает когтистая боль,
выжигая алые цифры:
твоё клеймо – единица и ноль,
вязь генного шифра;
свобода продана, сумма сумм
красуется на этикетке,
и вместо музыки белый шум
расползается по углам клетки;
а фонтан времени ворохом брызг
бьёт в небо, сливаясь с солнцем,
и хрусталём, разбиваясь вдрызг,
вином в их души прольётся —
придите, явитесь сюда,

где кровотоцит галактики рана,
и уходит от нас навсегда
свобода космического фонтана.

Теория Хаоса (2008—2009)

Вечность

Возможно, что Вечность – игра
или игрок, играющий сам с собой,
не ведая правил, —
в его руках всё и ничего,
он подобен ребёнку, смотрящему на мир
невинными глазами, – он смотрит,
не чувствуя смрада, доносящегося
с полей сражений,
не слыша плача, стоящего по углам
неуютных тёмных домов;
взор его чист, а глаза – кристалл,
в котором преломлена реальность,
и всё, что он знает о прошлом,
он сложил в пыльный сундук,
его настоящее – цветной фотоснимок,
а будущее – пара игральные кости,
что лежат на всякий случай в кармане;
возможно, что он никогда не одержит
верх над собой в этой игре —
да ему и плевать:
ведь у него есть целая Вечность.

ИДУЩИЙ СКВОЗЬ ПЛАМЯ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.